

УДК 821.111

**ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ
«ШКОЛЬНОМ РОМАНЕ» Д. ХАРРИС**

© 2012 г.

В.Г. Новикова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

wnovikova@mail.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Анализируется роман Д. Харрис «Джентльмены и игроки» с точки зрения противопоставления в нем идеологий двух культур: традиционной аристократической, основанной на доиндустриальных ценностях, и постиндустриальной. Оппозиция культур в романе прослеживается в сочетании двух нарративов, связанных с различными типами английских школ.

Ключевые слова: Джоанна Харрис, доиндустриальные ценности, «школьный роман».

Джоанна Харрис (г.р.1964) – автор почти двух десятков романов, выходящих в свет с 1989 года, один из них, «Джентльмены и игроки» («Gentlemen and Players»), опубликован в 2005 году. Действие романа связано с закрытой частной школой для мальчиков «Сент-Освальд», а жанр произведения критика определила как «boys-school thriller». Действительно, сюжет произведения построен по законам массовой литературы конца XX века, использующей не только клише, созданные предшествующей литературной традицией, но и те формулы, которые активно разрабатывались литературной критикой названного периода. В школе, культивирующей дух традиционного образования английских паблик-скулов, появляется учитель, стремящийся дискредитировать преподавателей, сами принципы такого рода учреждений, в конечном счете, идею аристократизма. Для достижения цели им используются разнообразные средства: от компьютерных атак до шантажа и даже убийства. «Триллеровая» основа – создание у читателя предчувствия некоего ужаса – отчетливо ощущается в романе. Среди активно используемых формул обнаруживаются фрейдистские элементы (формирование психологии будущего преступника под влиянием отвращения к пьющему, опустившемуся отцу, лейтмотив гомосексуальности как неизбежного зла закрытых школ для мальчиков), гендерный аспект (герой, воспринимаемый читателем вплоть до развязки романа как мальчик-подросток-мужчина, оказывается женщиной), парафраз университетского и как вариант «школьного романа» (создание атмосферы замкнутого «острова» школы), особенно модная в первое десятилетие двадцать первого века тема толерантности.

Заглавие романа определяет читательские ожидания в том смысле, что апеллирует к названию крикетного матча между «Джентльменами» (в данном случае любителями) и «Игроками» (профессионалами), ежегодно проводимого с 1806 по 1962 год и ставшего одним из символов избранности и снобизма. Кстати, то же название использует Э.У. Хорнунг (1866–1921), создавший образ «благородного грабителя, выпускника закрытой школы и игрока в крикет», для одной из своих новелл. Возникающая в романе Харрис соответствующая аллюзия, возможно, независима от намерений автора, но вполне симптоматична. Оппозиция джентльменов и игроков в романе раскрывается на нескольких уровнях. Внешний, сюжетобразующий, является основой конфликта между коллективом преподавателей элитарной школы и молодой женщиной, представительницей низшего в социальной иерархии класса, с детства стремящейся стать частью недоступной ей социальной среды, сознающей принципиальную невозможность своей мечты и организующей свою месть этой среде как разрушение последней. Второй уровень связан с противопоставлением двух художественных пространств: одного, воссоздающего «культуру джентльменов», и другого – массовой культуры. Пространство школы «Сент-Освальд» охарактеризовано описанием здания школы, старинного, с готическими украшениями на фасаде, с огромной библиотекой, с множеством коридоров, обшитых дубовыми панелями и часто приводящих в таинственные, редко используемые комнаты. Особенности «духа школы» обозначены подростком, который мечтает быть посвященным в этот мир, где можно посадить саженец и знать, что никто его не сломает в ту же

ночь; где истекающего кровью не бросят на дороге; где полиция не ворвется ни с того ни с сего... где, если ты делаешь уроки, это не значит, что ты гомик, придурок или ботан. Здесь безопасно. Здесь дом [1, с. 16]. Безопасность дома, в котором тебя понимают, – высшее достижение этой культуры. Массовые школы – это граффити, мусор, вандализм, объявление «оставляйте ножи дома». Главный урок городской государственной школы, оптимистично названной «Солнечный берег», – умение выжить. На вопрос, чему учит «Сент-Освальд», ответ не может быть столь однозначен.

На глубинном уровне «традиционная разобщенность школы и города» включает в себя противостояние доиндустриальной культуры и индустриальной. Л. Асланов, автор философских заметок «Культура и власть», в той части своего исследования, где говорится о консерватизме Великобритании в конце XX века, упоминает о существовании двух слоев английской культуры – аристократической культуры высшего слоя общества и народной североморской культуры, восходящей к англосаксам. Первый из них содержит исключительно неиндустриальные ценности. «Считалось, что образ жизни должен быть не экономический и технический, а духовный, он связывался с освящением традиций... в Англии, как нигде в мире, талантливая молодежь предпочитала приобретение профессии, не связанной с производством. В «паблик-скулз» в XIX в. не поощрялись технические навыки, а к миру бизнеса открыто относились с пренебрежением. Воздействие на детей было столь сильным, что не многие дети бизнесменов пошли по стопам своих отцов. Нравственные устои школ в сочетании с общественным мнением формировали интересы и вкусы воспитанников, ориентированные на аристократические идеалы чести и лидерство в обществе, например, на военном или политическом поприще, на государственной службе и т. п.» [2, с. 476].

Такой тип культуры в романе представляет учитель Рой Честли. Он преподает латынь, предмет, который символизирует историю западноевропейской культуры. Десять лет он учился и тридцать три года преподает, т.е. действительно заслужил имя «старого центуриона», которым гордится. Он незаурядный психолог и педагог. В восприятии Честли, которое он пытается передать своим ученикам, культура – это совокупность высших интеллектуальных ценностей, овладение которыми неизбежно приводит к необходимому для человеческого существования моральному импульсу, т.е. обуславливает поведение джентльмена.

Город в его массовых школах формирует примитивные вкусы, которые также неизбежно приводят к падению нравственности. Глубину данного противостояния помогает понять обращение к трудам одного из самых признанных литературных критиков, представителя социокультурной школы, и педагога Ф.Р. Ливиса (1895–1978). Еще в 1930 году он писал о стандартизации и технологизации продуктов массовой культуры, формирующих американизированный тип массового сознания в «Массовой цивилизации и культуре меньшинства». Эту проблему он рассматривал как «важнейшую из социальных» [3, с. 25] и тогда же открыл свою историю сопротивления. В другой ранней книге, *Culture and Environment: The Training of Critical Awareness* (1933, в соавторстве с Д. Томпсоном), представляющей собой рекомендации для учителей, в предисловии он поставил вопрос, может ли обучение литературе иметь эффект против многочисленных противоблужаний: фильмов, газет, реклам – целому миру вне классной комнаты? «Мы не должны забывать, что литературное образование «a great extent a substitute» (великая степень замены). Мы потеряли органическую связь с народной культурой, – указывает он, – а это «искусство жизни, способ жить, вовлекающие социальные искусства, коды общения и взаиморегулирование» [4, с. 2]. У англичан однажды уже была культура, забытая теперь до такой степени, что образование не может уже «схватить», что это обозначает. Забытая культура для Ливиса – та, что была до индустриального периода. Промышленный переворот привел к падению культуры. «Машинное производство принесло преимущество массового производства, но вовлекло в стандартизацию. Вкусы, в том числе и в школе, формируются в конкуренции самых «дешевых эмоциональных ответов»: фильмы, газеты, паблисити во всех ее формах, коммерческая беллетристика – все это предложения самого низкого уровня и внушают выбор наиболее непосредственных удовольствий, полученных с наименьшим количеством усилия (подчеркнуто мною как точная формула массовой культуры конца XX века. – В.Н.)», – пишет он. Формирование литературного вкуса выглядит «несчастливым предприятием». Но если верить в образование, то эта ценность должна быть создана. Только в здоровом государстве культуры можно «оставить» гражданина, чтобы его сформировала подсознательно окружающая среда. В остальных случаях он должен быть обучен, чтобы «отличать и сопротивляться». «Критическая привычка» как критическое понимание окружающей культурной

среды должна быть систематически внушаема. Много можно сделать на уроках English. Practical Criticism – анализы прозы и стиха в сопоставлении с газетным языком и языком популярной литературы, изучение культурного и социального окружения Шекспира, условий его творчества, природы национального театра и драматической традиции, где «возможно участие историка», сопоставление фольклорной и современной музыки и т.д. В этой книге Ф.Р. Ливис уже формулирует основные тезисы своих будущих работ, предугадывая и те проблемы, которые станут актуальными через десятилетия после Второй мировой войны. Он полагает, что намеченная им программа действий «может быть осуществлена командным усилием молодых интеллигентов, каждый год приходящих в школу» [4, с. 6]. Гуманитарная интеллигенция и университеты как центры культуры (не цивилизации) должны осознавать свою миссию. Эту мысль он будет отстаивать на протяжении своей жизни, она станет основой «ливисизма».

Учитель Честли как бы иллюстрирует образ педагога-борца с указанными Ливисом и его почитателями характеристиками. В то же время формирование команды единомышленников из числа как старых, так и молодых учителей ему не вполне удается.

Город проникает в школу, «точит ее изнутри». Остальные преподаватели «Сент-Освальда» ценят индустриальные ценности, иначе говоря, занимаются преподаванием как бизнесом, но не как посвящением в высшую духовность. Значимой деталью является неспособность учителей реагировать на вопросы и реплики Честли, звучащие на латинском языке. Для них атмосфера старой школы важна в качестве рекламной приманки для родителей учеников. Честли сохраняет свое рабочее место только потому, что является живым свидетельством подлинности того, что на самом деле почти уже превратилось в суррогат.

Повествование представляет собой сочетание двух нарративов: Честли и его противника. И тот, и другой представляют собой рассказ от первого лица. Первый (Честли) представляет только настоящее время, т. е. действие происходит в тот момент, когда о нем рассказывается; основан на представлении нарратора о принципиальной незыблемости школьной, а значит, общекультурной традиции. Сам нарратор обладает ярко выраженной индивидуальностью.

Второй нарратив раскрывается в многообразных игровых конструкциях, сочетающих ретроспективные планы. В названиях глав ис-

пользуются термины шахматной игры, которые могли бы придать всему изложению статус беспристрастности, однако порядок их расположения от первой, названной «Пешка», до последней с названием «Мат», имеет явно оценочный смысл. Под пешкой подразумевается ребенок зрителя «Сент-Освальда», Джона Страза. Автор вступает в игру с читателем, нигде не обозначив пол ребенка, но дав понять с помощью системы деталей, что это мальчик, в свою очередь выбирающий для себя и разыгрывающий неожиданную роль. Живущий в сторожке на краю школьной территории, он формально лишен права появляться в «Сент-Освальде», однако делает это. Сначала по ночам, украв ключи у отца, он бродит по школе, наслаждаясь открывающимися тайнами; потом, по частям собрав не принадлежащие ему элементы ученической формы, ходит по школе уже днем, сливаясь с толпой учеников. Он наделен незаурядными способностями к мимикрии, способен подстраиваться под любое окружение. Он знакомится с одним из учеников школы и называет себя Джулиан Пиритс. В этой части повествования мотивом его поступков становится желание стать одним из мальчиков «совсем другой породы». *Они словно позолочены – не только солнечным светом и близостью к этому чудесному зданию, но и чем-то менее материальным: налетом уверенности, неким таинственным сиянием* [1, с. 20]. Речь здесь идет не только о богатстве, хотя много позднее, характеризуя ученика Кольмана, в качестве определяющей его черты рассказчик назовет «нищету многих предшествующих поколений семьи», даже при том, что сейчас эта семья достаточно богата и оплачивает обучение в этой очень дорогой школе. Поколения нищих оставили тень злобной неуверенности на лице ребенка, не знающего бедности.

В то же время второй нарратив стремится разрушить само представление о высоком назначении культуры школы, об избранничестве тех, кто причастен к аристократической культуре как элите духа, столь очевидно присутствующее Честли. Внутренняя дисгармония нарратива другой культуры получает художественное воплощение в самом стремлении ее носителя играть не свойственную ему роль. Легкость мимикрии означает отсутствие собственного лица, что и подчеркнуто в центральной сюжетной ситуации. Джулиан Пиритс не признает никаких границ. Вначале он со страхом переступает черту под знаком «Посторонним вход воспрещен», вступает в школу как в чуждую «стихию океана», но с каждым следующим нарушением

табу «Сент-Освальда» он все легче переступает уже нравственные законы: продолжает воровать, подделывает документы, наконец, совершает несколько убийств. Он чувствовал себя выше, вне обитателей «Солнечного берега», но на самом деле впитал разлагающие ощущения «постиндустриального Города», его идеологию. Он представитель второй культуры – порождения индустриального общества. Сохраняя некоторые черты североморской народной культуры Англии (по мнению историка, «носители народной североморской культуры из века в век были инициаторами технического прогресса, отличались предприимчивостью, трудолюбием, самоконтролем, бережливостью, т. е. чертами, особенно характерными для пуритан» [2, с. 479]). Эта культура неподлинна, так как враждебна личности.

Означает ли все вышесказанное несомненную гибель ценностей доиндустриальной культуры? В романе – нет. В финале произведения Честли удастся раскрыть преступления, найти убийцу и разрушителя покоя «Сент-Освальда». Мало того, он вновь занимает почетное место в школе и заставляет своих коллег задуматься о подлинных ценностях. Знак у входа в «Сент-Освальд» «Посторонним вход воспрещен» – своего рода демаркационная линия, символизирующая непреодолимость границы между классами, сохраняющая дух аристократического снобизма в начале XXI века, которая должна быть разрушена. Только вторжение духовного в

массовую среду может спасти ситуацию: в финале опять ощутимы идеи ливисизма.

Таким образом, глубинный конфликт «воу- school thriller» Джоанны Харрис заключается не просто в противостоянии классов, но в противопоставлении ценностей двух типов культур, проанализированном социокультурной критикой Великобритании. Обращение к доиндустриальным ценностям характерно для Д. Харрис в контексте ее творчества. Исследователи называют ее стиль «магическим реализмом» [5] в связи с ее постоянным интересом к еще более давней истории, дохристианскому мироощущению, так или иначе воплощенному в романах «Спи, бледная сестра» (1994), «Шоколад» (1999), «Блаженные шуты» (2003), наконец, в книге «Руны» (2007).

Список литературы

1. Харрис Д. Джентльмены и игроки / пер. Т. Старостиной. М.–СПб.: Эксмо-Пресс, 2010. 538 с.
2. Асланов Л. Культура и власть. Философские заметки. Кн. 1. М.: Теис, 2001. 496 с.
3. Leavis F.R. Mass Civilisation and Minority of Culture. Cambridge: The Minority Press, 1930
4. Leavis F. R., Thompson D. Culture and Environment: The Training of Critical Awareness. L.: Chatto & Windus, 1933. 150 p.
5. Marshall-Ball S. The Repressed and Empowered Other. The Role of Religion and the Occult in Joanne Harris Fiction. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://joanne-harris.co.uk/v3site/articles/general/saramarshallball.pdf>

PRE-INDUSTRIAL VALUES IN THE POSTINDUSTRIAL «SCHOOL NOVEL» BY JOANNE HARRIS

V.G. Novikova

The paper considers the opposition of two cultures' ideologies: traditional aristocratic culture with pre-industrial values and post-industrial culture in the novel «Gentlemen and Players» by J.Harris. The opposition of cultures in the novel is traced in a combination of two narratives connected with different types of English schools.

Keywords: Joanne Harris, pre-industrial values, school novel.